

ТРЕТИЙ СЕКТОР И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ВМЕСТЕ ИЛИ ВМЕСТО?

►Иосиф Дзялошинский

Вот и прошли очередные "судьбоносные" выборы. Ошелмляющий успех чиновников и "как бы их назвать, чтобы под суд не угодить" вновь ставит вопрос о векторе развития России и заодно о роли тех организаций, которые пышно называют себя "третьим сектором" или иногда еще более пышно - "гражданским обществом".

Что касается России, то тут картина выглядит, на мой взгляд, следующим образом.

ОТ ВЕСТЕРНА К АРХАИКЕ

Все эти годы Россия, как и многие другие страны, находится в ситуации выбора стратегической модели развития. Точнее, выбора отношения к одной-единственной модели, которая предъявлена всему человечеству так называемым Западом. Суть этой модели довольно проста: рыночные отношения в экономике, права человека как альфа и омега общественной жизни, уважение к Закону, защищающему права человека, публичность и информационная открытость власти, действительно подотчетной избирающему ее народу. В других терминах эта модель описывается понятиями: гражданское, открытое, информационное общество.

Разумеется, реальная жизнь в странах Запада отнюдь не всегда протекает в соответствии с этими идеалами. Но глупо и смешно на этом основании отрицать саму эту модель, так же как глупо и смешно обвинять Иисуса Христа за то, что многие верующие ведут себя не так, как он заповедал. Важно другое: западные общества, выдвинувшие эту модель организации жизнедеятельности общества, медленно, трудно, но настойчиво реализуют ее, доказывая, что так можно жить и, более того, жизнь, организованная на этих основаниях, значительно эффективнее, чем жизнь в других обществах. И сейчас перед многими странами со всей остротой встал вопрос: брать ли за основу эту модель или искать другие, а если брать, то как ее реализовать с учетом принципиально разного исторического и культурного опыта народов.

Существует три варианта ответа на этот вопрос. Один из них можно обозначить понятием "вестернизационный проект", другой - "модернизационный проект", третий - "фундаменталистский (или архаический) проект".

Вестернизационный проект связан с уверенностью в неотвратимости построения универсального мирового сообщества, основывающегося на принципах демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения модели индустриальной или постиндустриальной экономики. Россияне, ориентированные на вестернизацию, хотят участвовать в реализации этого грандиозного исторического проекта.

Сторонники модернизационного проекта считают, что "западный проект мироустройства" сталкивается в России с неразрешимыми трудностями и должен быть заменен схожим по форме, но альтернативным по сути процессом модернизации, подразумевающим сохранение определенных культурных особенностей. Так, например, усвоение некоторых рыночных параметров организации экономической жизни совмещается с искренней

уверенностью в уникальности российской культуры, построенной на принципиально нерыночных основаниях. Нежелание идти на политическое объединение планеты совмещается со стремлением к хозяйственной унификации и т. д. и т. п.

Наконец, "фундаменталистский проект" ориентируется на принципиальный и высокомерный отказ от ценностей западного мира, опирается на идеи "возврата к истокам", "припадания к глубинным основам народной мудрости", "защиты национальной культуры" и т. д.

Можно констатировать, что крах тоталитарного режима в России создал некоторые условия для пробуждения гражданской активности. Однако в силу ряда обстоятельств, после краткого периода перестройки, эта активность пошла на спад и не привела к формированию такой системы массовых социальных представлений, которая могла бы лечь в основу развития гражданского общества.

Особенно мощное препятствие на пути развития в России гражданского общества - отсутствие демократической традиции в национальной политической культуре. Исследователи этой культуры много раз указывали на то, что для россиян традиционно характерен, во-первых, государственно-патерналистский комплекс: к власти не испытывают ни любви, ни доверия, но от нее, и только от нее зависит как хорошее, так и плохое в жизни индивида. Во-вторых, для этого менталитета характерна психология уравниательства, не имеющая ничего общего с ценностью равенства в западной демократической культуре. На индивидуальном уровне ее (как и государственно-патерналистский комплекс) питает осознанное или подсознательное ощущение социальной слабости личности. Уравнительство играет роль компенсатора: если человек живет бедно и плохо, его "утешает", что окружающие живут так же. Того, кто с помощью неординарного поведения добивается более высокого материального и социального статуса, осуждают, потому что он становится для них источником психологического дискомфорта. Легитимным считают только такое повышение статуса, которое происходит не в результате личных усилий, а по воле судьбы или начальства. В традиционной русской культуре уравнительство связано с отсутствием в ней этики успеха и достижения, сыгравшей столь большую роль в развитии западных обществ. Слабая ответственность за собственную жизнь, перенесение этой ответственности на надличностные инстанции (судьба, Бог, власть, социальные институты), комплекс социальной слабости типичны для исторически сложившегося типа российской ментальности. И именно в этом кроется главное психологическое и культурное препятствие развитию гражданского общества.

РОССИЙСКИЙ ТРЕТИЙ СЕКТОР

Одним из следствий перехода России от тоталитарного к демократическому типу развития явилось возникновение множества негосударственных некоммерческих структур, которые в своей совокупности образуют так называемый третий сектор¹.

Основными признаками, свидетельствующими о принадлежности той или иной организации к третьему сектору, являются: добровольный характер объединения, самостоятельный выбор направления деятельности и способов достижения поставленных целей, юридическая дистанцированность от государственных структур, отсутствие коммерческого интереса, общественная польза. Согласно Гражданскому кодексу РФ, это общественные объединения; фонды; учреждения; объединения юридических лиц (ассоциации, союзы); потребительские кооперативы; органы самоуправления граждан во всех сферах жизнедеятельности общества.

В демократических государствах различные объединения граждан отражают широкую палитру хозяйственных, семейных, правовых, культурных и многих других интересов и создаются в целях удовлетворения этих интересов.

Сеть таких организаций может быть очень плотной. Например, в США их 1 млн. 140 тыс. или 4 334 на 1 млн. жителей, в Канаде 144 тыс. или 4 800 на 1 млн. жителей, в Великобритании 300 тысяч или 5 172 на 1 млн. жителей; но более всего развита сеть НПО в Швеции: 180 тыс. или 20 000 на 1 млн. жителей. Однако эта сеть может быть и "рыхлой", насчитывающей скромное число такого рода организаций (признак государств, делающих первые шаги в демократическом развитии) - например, в Японии 74 тыс. НПО или 592 на 1 млн. жителей, а в Узбекистане около 400 НПО или 17 на 1 млн. жителей. В России, согласно данным Министерства юстиции, зарегистрировано более 350 тысяч некоммерческих общественных организаций. То есть больше 2000 на миллион жителей. По оценкам экспертов, примерно 70 тысяч из них работают постоянно и активно. (То есть примерно 400 НПО на 1 млн. жителей; меньше, чем в Японии, но больше, чем в Узбекистане). В этих организациях трудятся около миллиона активистов. Некоммерческие общественные организации ежегодно оказывают помощь и услуги примерно двадцати миллионам российских граждан.

Здесь не место подробно анализировать бурную историю становления, развития и кристаллизации третьего сектора в России. Стоит лишь отметить, что в настоящее время он находится в той же ситуации неустойчивого равновесия, как и страна в целом. Всячески выражая свой пиетет перед энтузиастами некоммерческих организаций, которые выполняют огромную работу по оказанию помощи различным группам населения, а иногда и взваливают на себя ответственность за решение глобальных общественных проблем, хотел бы все-таки замахнуться на один устойчивый стереотип, согласно которому развитие третьего сектора напрямую связано со становлением в России гражданского общества.

ВЫБОР КРИТЕРИЯ

Не вдаваясь в глубокий анализ проблемы, выскажу лишь некоторые мысли по этому поводу. Очень часто густую сеть негосударственных, некоммерческих организаций отождествляют с гражданским обществом. Такое отождествление не вполне правомерно .
2

На мой взгляд, системообразующими факторами гражданского общества являются не большое количество негосударственных организаций, а наличие нескольких обязательных условий:

- Рыночные отношения, пронизывающие все общество и контролируемые общественной моралью;
- Уважение к праву, которое стоит на защите прав человека;
- Публичность власти, подкрепленная существованием независимой от власти прессы;
- Наличие мощного среднего класса, который готов защищать свои права от любых посягательств.

Гражданское общество - это реальность, понимаемая как исторически сложившаяся конфигурация практик самоуправления, экономического обмена и обмена мнениями (публичных дебатов).

Понятно, что реализация такого жизнеустройства требует объединения граждан в некие структуры, участвующие в обсуждении идей, проектов, предложений. Однако само по себе существование негосударственных объединений граждан вовсе не гарантирует гражданского характера общественного устройства. Не было в Древней Греции множества неправительственных организаций, а гражданское общество было. А у нас в стране именно количество и влияние этих организаций чаще всего рассматривается как признак развитости гражданского общества. Почему-то считается, что густая сеть гражданских ассоциаций содействует стабильности и эффективности демократической формы правления. Соответственно, гражданское общество, рассматриваемое как царство частных добровольных обществ, начиная с соседских комитетов (общественных организаций жителей микрорайона), "групп по интересам" и заканчивая благотворительными организациями всех мастей, стало считаться важнейшим элементом становления демократии в России.

Я же исхожу из того, что гражданским можно называть только общество, в котором сама структура отношений выстроена так, что гражданин рассматривает себя как ведущую силу общественного жизнеустройства. Гражданское общество - это не просто набор механизмов, структур, институтов, а некий дух, позволяющий конкретному индивиду постоянно ощущать, что он значимый элемент общественной жизни, что все остальные структуры существуют для того, чтобы он жил и развивался, чтобы его единичный голос был весомым аргументом в выборе путей развития общества. Поэтому речь должна идти не том, созданы или нет условия для существования и деятельности неправительственных, некоммерческих организаций, а о том, в какой мере каждый конкретный гражданин может принять участие в поиске, обсуждении и принятии решений, хотя бы непосредственно касающихся его самого.

КЛАСТЕРЫ ВМЕСТО КЛАССОВ

Более того, кажется не лишним утверждение, что в эпоху постмодерна само существование постоянных общественных объединений находится под большим вопросом. Эти организации возникали в определенных социальных условиях как эффективный инструмент координации индивидов и координации действий, направленных на защиту своих интересов. В эпоху электронной демократии, интернета и массовых коммуникаций необходимость в таких организациях существенно уменьшается.

Не случайно в разных странах 80-90-е годы стали периодом интенсивного дробления и фрагментации "больших социальных групп" и классовых образований, временем интенсивного преобразования структуры гражданского общества, когда на смену десяткам тысяч организаций граждан самого различного толка (сохраняющих, впрочем, основу собственно гражданского общества) пришли сотни тысяч принципиально новых гражданских образований. В новейшей американской политологии и социологии они получили название просто "групп", "кластеров", "соседских общин", "коммунитарных образований".

Эти группы отличаются меньшей устойчивостью, чем традиционные ячейки гражданского общества, более выраженной трансформационной природой и несравненно большим аполитизмом, чем традиционные "большие социальные группы" и классовые образования.

Стремительное развитие в США в конце XX в. интернет-технологий привнесло новые черты в электоральную и общеполитическую культуру страны: вторичная (и даже второстепенная) роль традиционных партий становилась все более очевидной, а интернетовская связь "соседских общин", близких по природе кластерных образований и

даже просто групп индивидуумов грозила обрести характер наиболее простого и прямого канала самоорганизации общества в его стремлении воздействовать на власть любого уровня. При этом не могли не смениться традиционные парадигмы подобного взаимодействия: на место идеологическим установкам и идейно-политическому противостоянию "больших социальных групп" пришли категории идентичности личности, самоидентичности кластерных образований и новые подходы к электоральным процессам и власти вообще (департизация и рост числа независимых избирателей, индивидуализация политического выбора и политической вовлеченности, перенос основных вопросов политической повестки дня с глобализационных и национальных проблем на местный и даже общинный уровень).³

Следовательно, необходимое условие функционирования гражданского общества - существование определенного типа личности. Его характеризуют, с одной стороны, высокий уровень индивидуальной автономии по отношению к социуму вообще и к государственной власти в особенности. Такую личность многие авторы определяют как самоценную и самодостаточную. С другой стороны, этому типу личности присущи способность конструктивно взаимодействовать с другими личностями во имя общих целей, интересов, ценностей, а также способность подчинять свои частные интересы и способы их достижения общему благу, выраженному в правовых нормах.

ГРАЖДАНЕ ЛИ РОССИЙСКИЕ ГРАЖДАНЕ?

Таким образом, главным элементом гражданского общества становится ответственный (или, как его иногда называют, компетентный) гражданин. "Чтобы демократия была действенной, необходим, - отмечает Р. Даль, - и это очевидно, определенный уровень компетентности граждан"⁴.

Разумеется, одной компетентности недостаточно. Еще необходим некий, хотя бы минимальный уровень личной ответственности, сочетающей в себе отношение к общесоциальным проблемам, как к своим, с восприятием тех или иных локальных интересов как имеющих право на существование и отстаивание. Ответственность же возможна только как личная, индивидуальная. Для России эта тема исключительно важна, ибо вся наша культурно-историческая традиция - от Московского царства до общества победившего социализма - отводила индивиду лишь роль части общности, не представляющей никакой ценности в отсутствие общности. Все это привело к формированию таких жизненных установок, которые исключают возможность индивидуальной гражданственности.

Елена Басина формулирует эти установки в следующих выражениях:

- нежелание, переживаемое как невозможность и неспособность взять на себя ответственность за то, что происходит в обществе, и даже за собственную жизнь,
- инфантильное ощущение собственной личной неответственности ни за что,
- перекладывание ответственности, вины, решения проблем на кого-то другого (в конечном счете - на власть),
- эгалитаристское понимание справедливости,
- нетерпимость к различиям в положении, доходах, интересах и даже способностях .⁵

В связи с этим исследовательница ставит "простодушный" вопрос: граждане ли российские граждане? Положительный ответ, по ее мнению, предполагает присутствие как минимум двух явлений:

- гражданского сознания и самосознания,
- автономности личности и индивидуализма.

Отвечая на свой же вопрос, Елена Басина пишет: "Относительно высокий уровень самодеятельной общественной активности по поводу индивидуально-экономических, негражданственных интересов, объединение из-за не всегда правомерных обид, безразличие к гражданским проблемам, насмешливое отношение к озабоченности проблемами экологии, культуры, демократии, уверенность, что такая озабоченность не может быть бескорыстной, и многое другое, хорошо известное из обыденного наблюдения, вполне определенно убеждают: далеко не всякий российский гражданин - гражданин по сути, а не по названию"⁶.

СНОВА О СУБЪЕКТЕ

Совершенно очевидно, что для формирования социально ответственных граждан необходимы определенные институциональные предпосылки, прежде всего минимум демократических прав и свобод, делающих возможными и законными как автономию личности, так и самоорганизацию граждан для отстаивания общих интересов и целей. Однако одних лишь институциональных (в том числе правовых) условий для этого недостаточно. Не меньшую, а возможно, и большую роль играют предпосылки культурные и социально-психологические. Субъектами гражданского общества могут быть, во-первых, только индивиды, знающие, что собственные действия - наилучший способ защиты своих интересов, решения волнующих их экономических, социальных, политических проблем. Во-вторых, реальный или потенциальный субъект гражданского общества - это человек, уверенный в том, что добиться реальных результатов можно, лишь объединив свои действия с действиями других людей. И где эти индивиды?

Разумеется, среди нашего населения есть люди, которые в силу тех или иных причин восприняли стандарты западной культуры с ее культом саморазвивающейся, самореализующейся личности, с ее ценностями гражданского общества, демократии, прав человека, верховенства закона, рыночных отношений. Это от силы 17-20%. Но остальные - то 80 % в этом не заинтересованы. Не потому, что они плохие. А потому, что реальность, в которой они существуют, не нуждается в том, чтобы число людей, ориентированных на названные выше ценности, превышало эту каким-то образом установившуюся норму. Поэтому, когда мы говорим о том, что в России произошла консолидация народа и власти, надо задать вопрос: "На какой почве произошла эта консолидация?" Большинство независимых аналитиков говорят о том, что эта консолидация стала отражением специфически иррационального российского толкования категорий "порядок" и "справедливость", реализация которого приведет к уничтожению самой возможности выстроить хоть какое-то подобие европейской демократии.

Все это свидетельствует о том, что процесс становления третьего сектора в России привел, к сожалению, явно не к тем результатам, которые рисовались в концепциях, отводивших ему главенствующую роль в превращении демократии в образ жизни. В реальности наше общество в значительной мере приобрело достаточно уродливые черты олигархии, партократии, управляемой демократии. Гражданским организациям в этом обществе "доверена" роль то ли помощника власти имущих, то ли младшего партнера, то ли той дудочки, которой цирюльник царя Мидаса доверил известную ему тайну.

Анализ программ политических партий и избирательных блоков-участников выборов 2003 года, дает основание для вывода о том, что идея сотрудничества или, по крайней мере, взаимодействия с гражданскими организациями в той или иной форме присутствует

в программных документах многих политических структур. И это может означать только одно: неправительственные, некоммерческие организации стали если не влиятельным, то хотя бы заметным явлением общественной жизни России. И с ними уже нельзя не считаться.

Но вот что занятно. В программных документах ряда партий и объединений левого или национально-патриотического фланга (КПРФ, АПР, "За Русь святую" и т. п.) отмечается важность взаимодействия с негосударственными структурами, (общественными движениями, общественными организациями, профсоюзными, женскими, молодежными и др.), но не используется понятие "гражданское общество". В программных документах партий демократической ориентации ("Яблоко", "Союз правых сил", которые в думу не прошли) и даже "Единой России" декларируется желание создавать в России демократическое, открытое, гражданское общество, но мало или почти ничего не говорится о взаимодействии с реально существующими негосударственными, общественными организациями. Случайность? У меня есть ощущение, что эта особенность партийных программ отражает какую-то глубокую и неочевидную для многих энтузиастов третьего сектора проблему.

Не являются ли многие "гражданские объединения" лучшими помощниками КПРФ, АПР и всех, кто энергично готов сотрудничать с общественными организациями, но категорически не приемлет идеи открытого, гражданского, действительно демократического общества? И не поэтому ли проблематика гражданского общества в программах "Яблока", "СПС" и некоторых других партий связывается не столько с поддержкой существующих неправительственных, некоммерческих организаций, сколько с достаточно радикальной сменой представлений о месте человека в окружающей действительности?

НАЧНЕМ СНАЧАЛА

Возвращаясь к итогам прошедших выборов в Государственную думу, можно высказать предположение, что главная причина поражения на выборах "Яблока" и СПС заключается в том, что в стране, большинство населения которой ориентированы на государственный патернализм, эти партии последовательно выступали против самой идеи всевластного государства. В прошлые годы, когда государство действительно было слабым и не обещало решить все проблемы социально уязвимых групп населения, у этих партий было небольшое количество сторонников, наивно полагавшихся на собственные силы. В новых условиях, когда все увидели, что государство вновь заявляет о том, что оно является единственным реальным субъектом принятия решений и распределения ресурсов, солидаризироваться с политическими силами, выступающими против этого государства, стало небезопасно. И многие благоразумные индивиды предпочли примкнуть к "Единой России". Тем более, что на ее знаменах написаны такие хорошие слова, которые почти ничем не отличаются от слов, используемых лидерами "Яблока".

Это все понятно. Понятно и то, что государство, даже если предположить, что олицетворяющие его люди действительно будут выполнять свои обещания, просто не состояниии удовлетворить те ожидания, которые предъявляют этому государству граждане, отравленные синдромом государственного патернализма, оборотной стороной которого является социальный паразитизм. И рано или поздно мы снова придем к необходимости выдвигать на первый план идею суверенного гражданина, обеспечивающего себя и свою семью собственным трудом, не нуждающегося в субсидиях и подачках государства и защищающего свои права на свободу.

Готовить информационную, ментальную, идеологическую почву для появления таких граждан - это и есть, на мой взгляд, главная задача структур третьего сектора. Вопрос о том, что и как надо для этого делать - предмет, достойный отдельного анализа.

Пчела #44 (ноябрь-декабрь 2003)